

Статья к юбилею поэта Н. Гумилёва в журнал «Балтика».

При упоминании о поэте Н. Гумилёве невольно возникает потребность вернуться в эпоху столетней давности к началу века двадцатого, одного из жестоких веков нашей эры, потрясший потомков кровавыми событиями и трагизмом. Львиную долю боли и его трагической судьбы понесла Россия. Современным поколениям это доподлинно известно. Но тем людям, вступающим в двадцатый век, ещё только предстояло увидеть и пережить его катаклизмы. Первыми начали болезненно предчувствовать надрыв и грозные раскаты нового века по неуловимым признакам, отзвукам неясных земных вибраций и посылов свыше это люди искусства – художники, поэты, музыканты, жрецы святого слова. После золотого века просвещения, в конце девятнадцатого столетия и начале двадцатого вновь сконцентрировался деятельный процесс творческих людей, искусство которых, в том числе поэзия ярко освещается мыслями, устремлёнными от земных страданий души к пророческим видениям, к красоте космических велений. Нарождалась новая по органике музыка, на сцене жизни появлялись самобытные художники, которые удивляли и покоряли не только российские вершины, но и европейский Олимп. Европа была поражена выставками российских художников новаторов, иконописными работами, балетным искусством, музыкальными концертами гениальных композиторов и исполнителей. В это же время в Париже начинают печататься со стихами Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Это было время прорыва в искусстве на стыке века уходящего и нарождающегося. Русские служители слова, словно предчувствуя исчезновение просвещенного сословия общества, целого эстетического пласта созданной ими культуры, заполнили даже не поэзией, а мистерией пространство России, ощущая запредельные грани грозных и зловещих предзнаменований. Изыскивая новые способы самовыражения, поэты устремились к символизму, с его тайными знаками и завуалированным смыслом, затем к футуризму, в противовес которым Н. Гумилёв и С. Городецкий создали новое литературное течение – акмеизм, образовавшийся из литературного объединения «Цех поэтов». Туда входили молодые И. Мандельштам, А. Ахматова – сейчас уже великие имена в российской литературе, а тогда поэты своего времени, занятые поисками непознанных вершин в поэзии, став подлинными мастерами цеха акмеизма. В полемике и спорах молодёжь отвоёвывала своё место под солнцем в русской литературе.

Серебряным веком будет назван их творческий период, лебедиными крылами по серебряным струнам растекались их мысли по древу познания. По запрещённому древу Богом, но человек раз вкусивший его, продолжал этот путь волей или неволей, жертвуя жизнью, разумом и судьбой. А. Блок на картину Васнецова пишет стихотворение «Гамаюн – птица вещая», прозорливо и со страхом вглядываясь в век грядущий, оторвавшись от земных дел и устремлений, он делает прорыв в мир невидимый, но для чувственного А. Блока осязаемый, и его стихи становятся туманными и пророческими. Почти антипод ему Н. Гумилёв.

Путешественник и романтик, в поисках окраины Ойкумены страстный искатель приключений, из которых он черпает вдохновение, заглядывая в глубины земного бытия. Ему дороги изысканность и богема Парижа, но он не чурается нищеты и прокажённости чёрной Африки, самоотверженно преодолевая тяготы, собирает её экзотические легенды. Он прямо смотрит в глаза как светлой, так и тёмной стороне явленной жизни, остро чувствуя их существование и силу. И всё в стихи, в стихи – жемчуга и огонь, пропасти и бездны внизу и прорыв от земного притяжения в бесконечное пространство неба, но везде в его стихах гимн жизни с верой в Бога, его провидение.

Можно только удивляться совпадению, но одновременно, хотя и по-разному смерть настигла А. Блока и Н. Гумилёва в августе 1921 года. Два великих поэта, две своеобразные дороги в литературе, две личности заняли каждый свою достойную нишу в русской поэзии серебряного века.

«Убит поэт невольник чести!» – эти Лермонтовские строки слово в слово подходят к Н. Гумилёву и бьют в самое сердце. Он пал один из первых жертвой русского страшного бунта, великого разрушения и падения царства Российского. Его расстреляли без суда и следствия и даже без причины, в силу классовой ненависти революционных бойцов, и не существует на нашей грешной земле могилы поэта.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

В нашем городе на доме искусств есть барельеф, установленный поэту Н.Гумилёву, где ему оказана большая честь называться сыном России. Для меня он и является таковым.

В 1918 году за своей смертью и славой он возвращается в революционную Россию, уже страшную, голодную, разорённую и воинственную. Новая власть старательно уничтожает всё доброе и вечное чем держалась веками Россия, разрушаются святыни земли русской, богоборчество одна из важных задач новой власти. Не будучи офицером Н. Гумилёв носит военную форму, на виду всех крестится и кланяется православным храмам, и это даже не вызов, это прощание со смертельно больной Родиной, со святостью некогда избранного ею пути. Он и жил как писал, служа людям, тем же солдатам и матросам, которые ему близки по дальним морским походам и экспедициям, читал стихи на кораблях, учил быть мужественными, любя жизнь, верить в Божественный промысел для любого человека. Он будто вольный ветер на просторах земного океана:

Не по залам и по салонам,
Тёмным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне
Припадёт к воде и пьёт,
А не рыцарем на картине,
Что на звёзды смотрит и ждёт.

Но кто он – Николай Гумилёв для меня? Ирина Щербинская написала, что персонажи оживают в нашем воображении тогда, когда мы берём в руки книгу и начинаем её читать. А до тех пор это просто печатные листы, лежащие на полках библиотек в покое. В забвении прошли десятилетия с тех жгучих революционных лет, и лишь в конце восьмидесятых двадцатого века появились книжечки, маленькие, отпечатанные на газетной бумаге с инициалами автора Н. Гумилёв, и разошлись по стране. Я держала в руках такую книжицу и на меня с рисунка смотрело в прищур насмешливое лицо, ничем не привлекательное, но в то же время ни на кого не похожее. И вот он – мой позор!

Открыв невзрачную книжицу, пролистав несколько страниц, я пробежала глазами на ходу стихотворения, и книжечка, будто сама по себе вырвавшись из рук, летит и даже ещё какое-то время катится по полировке стола: «Мне не нравится! Он мне совсем не понравился этот поэт!» Так это было, к моему стыду. В ту пору мы ещё жили в Литве.

И время пошло дальше отсчитывать года...

На наших глазах начался развал той страны, в которой мы родились, жили, в трудах и простоте растили детей. Рушился могучий колосс, и то, что считалось неистребимо могущественным, оказалось видимостью силы глиняного истукана. Так быстро всё разваливалось на части. Смятение, страх и нескончаемые вопросы для осмысления

происходящего, для понимания и отличия правды от лжи, разумности от глупости, сил добра и зла, которое неожиданно близко подступило и заглянуло в глаза. Нужны были ответы, и я начала их поиск в книгах, вчитываясь в оригиналы начала двадцатого века. А ещё заглядывала в премудрость древних философов разных религий, но мучительно думалось о гибели Ешуа и лучезарности его ухода с земли. До сих пор мучаюсь вопросом – неужели полная Красота на нашей земле обречена? За эти годы я изменилась, жадно искала и жадно читала разные книги, а ответ где-то был близко, но не находился. Я стала себе, не окружающим, казаться странной, что там полёт Маргариты, моя энергия стремилась куда-то в занебесье с такой силой, что я сама себя пугалась, пугалась своих предчувствий, своей неясной ни на чём не основанной тоски, кроме разрушающих страну событий. Воображение воспринимало прочитанное буквально, и казалось возникшая мысль – открытием чего-то нового до меня неизвестного, как тут же мне попадалась другая книга, где эта мысль была ясно описана. Века прошли и люди успели разгадать многие тайны нашего бытия и успели их сказать каждый по-своему, и я поняла, что новое есть, но только для меня.

В такой период своей жизни я вновь держала в руках книгу, взяв её с книжного прилавка организованного на ступеньках магазина «Океан», был такой богатый морскими продуктами магазин. Показалось в сумраке лицо на книжке похожее на мой вчерашний рисунок, прочитала – Н. Гумилёв «Чужое небо». Тот самый, не прочитанный мной? Формат как раз по сумочке, решила, что прочту его в Друскининкае! Я как раз уезжала с мужем на отдых в Друскининкай. Теперь я уже понимаю, насколько мощно я была внутренне подготовлена для восприятия его поэзии. Воображение зашкаливало, и каждая строка ложилась музыкальным аккордом на сильно натянутые нервы. Поэт и читатель, наверное, должны совпасть, как говорится – это твой писатель или твой поэт, чтобы веления души и строй мыслей одного силой искусства захватили чувства другого.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом, останавливающий дождь.

Я люблю избранника свободы,
Мореплователя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака!

Всё так знакомо, и застывший дождь над головой, и радость окружающей жизни, и стремление к Высшему благу бытия, несмотря на тяжёлые жизненные испытания. Познание сущего мира в его беспредельности и любовь к родной стране приходило к поэту через лишения и боль, которых он немало испытал в военных походах и далёких африканских экспедициях, и пишет о себе так в стихотворении «Память»:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Я – угрюмый и упрямый зодчий,
Храма восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный –
И прольётся с неба страшный свет,
Это Млечный путь расцвёл неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо, но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла летящего к нему.

Узнаю картину Рафаэля «Шестой день творения», облакаемая словами поэта, она зримо предстала предо мной, где и лев, и орёл, и всякая тварь земная льнёт к своему создателю Богу, где всякое дыхание да хвалит Господа!

Крикну я... Но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?

Книга открыта и в моём сознании стёрлись грани бытия и небытия, живое воображение оживило образы, звуки заиграли музыку невозможных сфер, а потому, не раздумывая, по зову сердца в храме Друскининкая я встала с зажженной свечой и молитвой за душу поэта Н. Гумилёва, слезами смывая горе не встреченной потери. Такова великая сила искусства и поэтического слова поэта Гумилёва! Точно выверенного слова, будто под резцом мастера засверкавший алмаз, служащего гармонии – великой магии земной и небесной Красоты посредством русского языка.

Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Так, век за веком – скоро ли Господь?
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства!

В заоблачные дали я устремилась уже не одна. Нежданному гуманоиду – Н. Гумилёву, влюблённому в наш мир, удалось свернуть мою судьбу с привычной орбиты и увлечь музыкой стихотворных ритмов, изысканностью слов, увести от обыденности к дороге, зовущей к саду ослепительных планет. С того времени я начала по складам складывать сама стихи, а потом с ними явилась к Сэму. Так открылась и для меня дорога в литературу под влиянием поэта и через глубину его мыслей, очарование слов и устремлённости к горнему, через душу измученную нездешним. Романтизм и мужественность, стойкость в испытаниях, героизм и умение любить женщину до самозабвения, вера воле божьей в своё предназначение – всё это его поэзия. Незаурядная личность Н. Гумилёв, конечно, заглядывал и в планетарное будущее, для нас неутешительное, которое требует не допустить и не скатиться к всемирной катастрофе:

И быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зелёный и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя Сахара.

Самое ужасное, что в такой исход сегодня верится, полыхают пески Сахары и вблизи её, где чёрные дымы горячей нефти заволакивают окрестности и просторы. Разрушенные города стоят как миражи пустыни, с лица земли стираются древние Христианские святыни, и матери в чёрных одеждах льют сухие слёзы над детьми. Но вера поэта в жизнь и её божественность столь сильна, что хочется за ним повторять:

Храм твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже твой приют.
Расцветают липы в лесах
И на липах птицы поют.

Точно благовест твой, весна
По весёлым идёт полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она
Ослепительный дай ответ!

130 лет – юбилейная дата поэта и праздник для русской словесности, потому что Н. Гумилёв сын литературной России, не угождающий площадям и рынкам, не употребляющий пролетарскую речь и жаргон, присущие тогдашнему и нашему времени. Он певец со своим голосом под струны зурны и звуки водопадов, подаривший нам музыку небесных сфер, со знанием воспеваяющий земные глубины человеческих чувств на изысканном русском языке. Путешественник, философ, воин, без сантиментов служащий безоговорочно великому делу – СЛОВУ:

В оный день, когда над миром оным
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,

Словом разрушали города.

И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если точно огненное пламя
Слово проплывало в вышине...

Его книжка «Чужое небо» занимает своё особое место в моей домашней библиотеке, я снова её открываю, где двадцать лет назад почти каждая строка почти на каждой странице мною подчёркнута. Сейчас я снова с упоением читаю эти стихи, заполонившие когда-то меня всю, заставившие меня поверить – не всё поддаётся рассудку, есть нечто больше нас, заставляющее любить невозможное, верить чувственным звукам и вибрациям далёкого и близкого пространства Вселенной, вмещающая до мельчайших капелек земную красоту и любовь, как чудо и тайну всего мироздания. Мы ищем ответы у физиков, заглядывающие в телескопы за пределы земли, но по Н. Гумилёву сам человек вмещает в себя земные поющие сети жил и блистательный парад планет, в нём ещё живо и шевелится бывший до сотворения мира хаос и в нём заключены законы гармонии, стремление к Вселенской Красоте. Есть путь, но путь этот через тернии к звёздам даётся людям неуспокоенным устремлённым по тропе святой. Закончить хочу стихами поэта:

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор чёрный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

.....

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны,
Пускай сирокко бесится в пустыне
Сады моей души всегда узорны.